

Берберова Н. Семейство Павла Егоровича. (Чеховская семья) // Сегодня. Рига, 1939. 3 сентября. № 243. С. 4.

Н. БЕРБЕРОВА

Семейство Павла Егоровича. (Чеховская семья.)

Онъ былъ торговцемъ по призванию и происходилъ изъ крѣпостныхъ. Его отецъ Егоръ Михайловичъ, былъ мужикомъ помещика Чертовыхъ — дѣла и бабки извѣстнаго послѣдователя Льва Толстого. Егоръ Михайловичъ задолго до освобожденія крестяны выкупился отъ своего барина, и выкупилъ жену, а на дочь у него не хватило денегъ. Помѣщикъ Чертовъ отдалъ ее въ приданое даромъ, и такимъ образомъ семья стала свободной.

Въ «Ольховаткѣ», имѣніи Чертковыхъ въ Воронежской губерніи, Егора Михайловича еще звали «Чехъ», но въ Таганрогъ, куда переехала семья и гдѣ Егоръ Михайловичъ поступилъ въ управленіе къ графу Платову, онъ сдѣлался Чеховымъ. Сына своего, Павла, онъ отдалъ въ ученіе къ таганрогскому купцу Байдакову, а когда онъ вошелъ въ возрастъ — помогъ открыть ему уже самостоятельно колоніальный магазинъ.

Павел Громыч был записан в купеческое сословие. Он женился, у него пошли дети. В лагерь было уже два приказчика. Однако, характер его оказался несовместимым: больше, чем к коммерции, он был привержен к церковному житию. Не то жить его, не то легкомыслие не дали создать благополучия. Однажды, когда лагерь описали за долги, семья Павла Громыча, — он сам, жена его, четверо сына и дочка — выехала ситишко в Москву, без гроша денег. Пятый сын, Антон Павлович Чехов, остался в Таганроге один — доучиваться в гимназии. Его попросту «забыли».

В чем, быть грехъ Павла Егоровича? Прежде всего в его благоговении. Лавку онъ открывалъ потому, что нельзя было не открывать, но торговалъ въ ней не любитъ и иворовалъ ути изъ нея съ утра — въ церковь, къ приятелямъ или просто на прогулку. Третью глядью высовывалъ онъ по настоящю матери: чтобы сыновей не забирать въ рекруты; если бы не это, не заботился бы о нихъ. Съ женою онъ былъ совершенно и грубоватъ, а разорение свое пережилъ весьма равнодушно, и только въ Москвѣ, очутившись на пути къ годошнй смерти, опомнился и озабочился.

Мать его дтей, Евгения Яковлевна, была кроткой, замученной женщиной. Первые роды застали ее под открытым небом, когда она спалася из Таганрога от обессилившихся горюд англичан, во время Севастопольской кампании. Рожала она шесть раз, па всед готовила, стирала и шила. Въ Москвѣ, гдѣ въ три года пришлось перемѣнить 12 квартир, много плакала. Очень скоро она появилась, что мужи

ея не способенъ ни къ какому труду, и стала рассчитывать на однихъ сыновей.

Старшие же зарабатывали в это время: Александр давал уроки и учился в университет, второй, Николай, готовился быть художником, а пока рисовал в местных журналах карикатуры. Эти двое ювшей и поддерживали семью. В Таганрог оставшихся Антою продавца, что мог звать описанного за долги дома, унеса подпозой то керосиновую лампу, то книжку, то наволочку. Самый маленький, одиннадцатилетний Мишка, бегал по Москве и сам себя пристраивал в гимназию — до него отца не было года.

Обо всей этой жизни въ подробностяхъ писалъ старшій братъ оставшемуся «забытому» Антону въ Таганрогъ.

«Наша дитина дуже плахого, і всі не по-повертаються. Свої денги ми всі прожили, залиши 10 руб. і т.б. просядимо і тепер плачемо. Що дуже жовне — потеряли всяку надсуду получити мого. Ходимь ка-сь десь по церквях и неспробуем, какъ ест - коммерсическй чеповекъ, в бирку, и слушаемъ толки о сербской войнѣ, и по обыкновенію приходимъ домыи ми съ чѣмъ за что насъ встрѣчаютъ со словами радостными, посѣчь мого въ разобѣдаемъ, пы-мать, и жаркая печатное, поуче-ние, кутное по перву у церковного ста-росты, и начинаемъ читать вслухъ. По окончании чтеція, проповѣдь выдѣлаетъ на гвоздизъ, съ обозначеніемъ на ней немона и чіса».

Александр жил отдельно, пока мать его не настояла, чтобы они переехали в родительский дом. В двух комнатах помещалось семейство из пяти человек, и при этом — собака, спящая с младшим, Милей, на полу. Младший, Ксерсений, лечил людей. Но Павел не любил этот расхожий образ жизни (на самом деле, он был так же ничто, как и его старший брат, езда на исключительном изд университета за денежные платы); вечером в тесную квартиру являлись какие-то похотливые родственники, приносившие с собой «бутылки». Осуждение их происходило степенно и благоговитно. Потом Павел сказал: «Достойно есть и — сплунтуку». Потом плакал над своей бедной женщиной.

Особенно устрашала мать и отца мысль, что Александр и Николай могут жениться и перестанут помогать семье. Однажды старший сын был даже нарочно на переговоры на эту тему вызван с тирка. Он вошел через кухню, уже подготовленную сестрой к предстоящему разговору. «Маменька была в кухне в

пальто, и вся въ сажѣ, а тятенька благо-
лѣпно сидѣлъ въ «залѣ» и починалъ шубу».

После семейного разговора, на котором сын обещал не жениться как можно дольше, выяснилось, что отец «больше работать вообще не может». Когда его спросили, почему, он ответил цитатой из Евангелия: воззрите на птицы небесныя...

Но место Павлу Егоровичу все - таки нашлось. Его поместили в управу и заставили писать бумаги. «Дадут мне бумагу, — рассказывал он потом сам, — а я не знаю, как ее сочинить; скажут мне, а пока дойду до своего места — и забуду». Места он лишился очень скоро и опять все вошло в прежнюю колею.

Объясняя расписание, — «взрослым и маленьким», требуя, чтобы все подчинилось ему. «Расписание должно и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова, живущего во Москве». В этом расписании говорилось, когда кому вставать, когда обедать, когда ходить в церковь и какими делами заниматься в свободное время. Но расписание было приложено и пригласение: «Неисполняющие же расписание подвергаются сначала строгому выговору, а затем наказанию, при коем кричать воспрещается». Отец Евгений Игнатьев до маленького Миши — всё терпел и всё случалось.

«Мать съ каждымъ днемъ гаснетъ, какъ свѣчка, — писалъ Александръ Антону въ

Таганрогъ. — Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь продать? Папа становится очень плохъ и вообще наклоненъ къ параличу. Съ нимъ часто дѣлаются головокруженія, такъ что его поддерживаютъ, чтобы онъ не упалъ».

Но это была напрасная тревога: Павел Егорович был крепок и вынослив, и умирать вовсе не собирался.

Из страшной истории вывел семью три старших брата. Антопъ Пановичъ появился въ Москвѣ, когда окончили гимназій и вступили въ университетъ. Александръ въ это время уже завалялъ косяки связи въ «Будильникѣ» и другихъ юмористическихъ журналахъ, тамъ же сотрудничалъ и Николай. Всѣ трое впряглись въ работу, чтобы дать возможность жить отцу и матери, чтобы дать возможность получить образованіе тремъ младшимъ детямъ. Павелъ Егоровичъ изъ тирана и ханжи превратился въ старика, обремененнаго жизнью. Онъ сталъ поддѣлывать, что дѣти обманываютъ его, не довольно любить и мало уважать его.

Время от времени онъ устраивалъ одному изъ старшихъ «добытчиковъ» спену:

указали, убивали, что «все давно пошло», умоляли «выйти на дорогу» и не водиться с дурными людьми. «Фатеры», как звали его братья за глаза, докупали им, но постепенно, превращаясь во взрослых людей, все три начала проникаться к нему жалостью. Но жалость и злость их не стали решать. «Кроме денег нужны еще и финансы», — говорили они, а они несли этот афоризм в «Буднички». Когда женился Александр, Павел Егорович стал усердно пастышествовать его, а когда у него пошла дитя, то «дядюшка» требовал с себя особого почтения и вытешивался в воспитании внуков.

Онь любуя гукъ въ супъ и вѣдалъ, чѣмъ обносиа гостя миской, онъ вывалъ акивалъ изъ нея луковникъ. Была что-то дѣтское въ томъ, какъ онъ любуя путешествованію по желѣзной дорогѣ. Самый лучший, самый сладкій кусокъ долженъ былъ всегда доставаться ему. «Пусть снятся ему бабки и маслины!» — писала Александры Антону въ письмѣ, когда оба жили уже разрозно, и отецъ гостилъ то у одного, то у другого изъ шухъ, донимая ихъ наставленіями, а она только добродушно поспѣивалась, да старалась опрадать мать отъ отцовскаго

деспотизма. Естественно, что когда Антон стал считать «самыми богатыми», — его так и называли на шутку «богатый брат», — то отец окончательно перебалт к нему.

Было что-то необычно прочное, неувядающее, в этой семье, — одно поколение передавало другому христианское культурное воспитание. Чехов не представлял себе человека без материи, отца, сестры: Александр, обладавший собственной семьей и губивший жизнь вином, убивавший епископа, до конца своей дней был связан со своими родителями, братьями и сестрой. Мать и отец задирали за Антоном по всей России, вряд ли созная, что именно они занимаются и чем заслуживают уважения.

Евгений Яковлевич, чья фамилия была в семье «Евгорович», так разлучался с отцом, что в конце концов переставал читать. Живя в имении своего сына, за пятьдесят лет до своей смерти, считаясь жеко окончательно «на покое», отец, однако, не был древним.

«2 іюня, (писалъ онъ въ этомъ дневни-
кѣ). Клара Ивановна пріѣхала.

3 іюня. Клара Ивановна уїхала.
4 іюня. Сколь тягостень трудъ земле-

5 іюня. Піона расцвѣлась.

6 июня. Елки передь окнами Антоши
срублены.

Один орать, талантливый художник Николай, был уже мертв. Другой, Иван, сельский учитель, был меньше связан с семьей. Но Михаил и Мария Павловна, имея дти, наследовали от старших братьев эту пристрастность къ своему делу. Тяжелое дѣтство было забыто въ благополучіи, въ которомъ они прсылали теперь, благодаря работѣ Антона Павловича въ «Новомъ Времени», и даже са-

ное неприглядное, что было и прошло, вспоминалось мне, как курсье, благодаря дошедшему из и в сильной, природной любви к родителям. Редко прорывалось то тяжелое, что на дне памяти продолжалось и тайным образом все же как-то черной тенью легло на жизнь «молодого поколения». В одном из своих писем к Щеглову - Лесныгеву, Чехов пишет:

«Я получил бы достоинство религиозного образования и такое же воспитание, — с церковными псалмами, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправными посещениями утрен, с обязанностью помогать бедным и злонравным восточным. И что же? — вспоминаю, — своим достоинством, то оно представляется мне довольно мрачным: религия у меня теперь такая. Знаете, когда бывало я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправятся» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с удивлением и завидовали молву раздвигали, мы же в это время забывали себя, забывали о своих горючках». Это печальные воспоминания моего детства старшей брате, Александре Павловиче.

«Возьми на себя труд! простоди́ть мою жизнь. Что она дала мне? До 20 лет порка, замки, лавка, прогулка в казенном саду...» И Михаил Павлович говорит же: все, что в детстве связывалось с именем отца, все было страшно, паводило гонку, пугало, подавляло.

Но шаг был сделан такой широкий — от мальчика, служившего в колониальной полиции Байдалакова, до большого писателя, на каки́х — публич сорок пять сынов тайно удалось унести от отца, что не мог смириться его за равного — не мог ни смириться на него, ни уговорить ни в чем — дабы, ни спорить с ним. Он предостерегал ему спороше доживать свой век, и присутствие его было Чехову всегда приятно — это был его отец, пусть полагает — пусть, пусть иногда веселится, пусть — но — прежнего воспоминаний — учитель — варага, но это был роитель, которого бы — как почтители его мужские предки, и ко-

торого не мог не почитать отца, ничего не оставивший из себя мужичного, персидского, индийского из купеческого сына и интеллигентного, горжащегося, ставший даже враньем, а также силой, духом, талантом, интуицией, инстинктом, конца прошлого века, с бороздами и пенне. И если перечисль воспоминания, перенеску, документы, относящиеся к чеховскому семейству, к Александру и Михаилу Пчелыным, то еще живо сейчас Мария Павловна, то ставшее ясно, что это сыновье человека, которого не было, а только память. И Яковлевич, и Пчелынович, как же называли в семье, оказалось самим крестным именем. Чувств, упреждающих, дельных. Чеховыми от своих крестных тещ.

Н. БЕРЕБОВА.

Н. БЕРБЕРОВА.